

На плите шкворчало масло, вытяжка издавала низкий, утробный гул, а из крана с шумом бежала вода. Чжан Хэ с мрачным видом быстро и ритмично стучал тяжелым ножом по разделочной доске — лезвие мелькало в такт его уверенным движениям.

Вся эта кухонная суэта сливалась в сплошной, по-домашнему уютный шум. На пороге ванной застыл Цзи Яо. На полпути стягивая с себя футболку, он прислушался. Эти звуки сопровождали его с самого детства. Они были настолько родными и привычными, что одно их присутствие мгновенно дарило ему чувство глубокого покоя.

Когда они были маленькими, их родители вечно пропадали на работе. Денег на няню ни у кого не водилось, поэтому заботу о Цзи Яо взял на себя Чжан Хэ, который был чуть постарше. Каждый раз, когда подходило время обеда, маленький Чжан Хэ — сам еще едва достававший макушкой до плиты — отправлял друга в гостиную смотреть мультики. А сам, взобравшись на деревянный табурет, возился у конфорок, жарил, парил, а потом выносил тарелки и первым делом кормил Цзи Яо.

Много лет спустя Чжан Хэ как-то случайно проговорился, и только тогда Цзи Яо узнал правду. В детстве тот попросту не умел правильно рассчитывать порции, и еды на двоих почти никогда не хватало. В итоге маленький Яо наедался досыта, а Чжан Хэ частенько ложился спать на голодный желудок. Именно поэтому Цзи Яо до сих пор считал себя виноватым в том, что его лучший друг вырос таким жутким гурманом, готовым душу продать за вкусную еду.

За ужином Чжан Хэ вел себя молчаливо. Не отводя взгляда от тарелки, он ел с каким-то почти священным трепетом. Он не проронил ни слова, но внешне это мало отличалось от его обычного поведения.

Но у Цзи Яо на душе кошки скребли. Стряпня Чжан Хэ, выпросить которую в обычные дни можно было только нытьем и угрозами, сегодня не лезла в горло.

Он вяло ковырялся палочками в тарелке, со страхом ожидая неминуемого разговора. Он слишком хорошо знал друга: чем спокойнее Чжан Хэ выглядел снаружи, тем сильнее бушевала буря у него внутри.

Чжан Хэ не любил разговаривать не из-за косноязычия — ему просто было лень. Но уж если он открывал рот, то его ядовитый язык мог заставить любого сгореть со стыда.

Цзи Яо ждал взбучки с замиранием сердца. И как раз в тот момент, когда он уже готов был сдаться и заговорить первым, Чжан Хэ отложил палочки.

«Началось!»

Цзи Яо мгновенно вытянулся в струнку.

— Поедим — поговорим, — Чжан Хэ достал салфетку, промокнул губы и ровным голосом произнес: — Я всё.

После этого он поднялся из-за стола и, мерно шагая своими длинными ногами, пересел на диван в гостиной.

Цзи Яо сжал в руке палочки, торопливо и молча доел все до последней рисинки, а затем робко поплелся следом за ним.

Чжан Хэ никогда не ходил вокруг да около, вот и теперь он сразу перешел к делу. Суть его претензии сводилась к одному: Цзи Яо пора было взяться за ум, выбрать одного-единственного мужика и построить нормальные отношения, а не прыгать из постели в постель. Напоследок Чжан Хэ припечатал, что у него нет никакого желания однажды тащиться с ним в клинику сдавать тест на ВИЧ.

Пока друг читал ему нотации, Цзи Яо сидел тише воды ниже травы, послушно кивая головой и усердно изображая раскаяние. Однако когда Чжан Хэ прямо спросил, сможет ли он измениться, Яо покачал головой и выдал со всей прямоотой:

— Не смогу.

Они знали друг друга слишком давно и понимали друг друга с полуслова — скрывать что-либо не имело смысла.

Цзи Яо прекрасно знал, что он дрянь, бесчувственный, похотливый и эгоистичный кобель, настоящий социальный отброс. Он просто физически не мог хранить верность кому-то одному, да и, честно говоря, совершенно не горел желанием.

Чжан Хэ промолчал, опустив взгляд. О чем он думал в этот момент, оставалось загадкой. Лишь спустя пару минут он тихо произнес:

— Цзи Яо, я ленивый человек.

— Знаю.

— Мне всегда было плевать на чужую жизнь, но в твою я лезу постоянно.

— Угу.

Чжан Хэ поднял на него глаза и бесстрастно указал на дверь:

— Вали отсюда.

— М-м... Чего? — растерялся Цзи Яо.

— Что слышал, — отрезал Чжан Хэ. — Убирайся.

Поняв, что друг разозлился не на шутку, Цзи Яо не посмел даже пикнуть. Он понуро поплелся к выходу. Чжан Хэ всегда был для него непререкаемым авторитетом, чье слово весило больше, чем отцовское, и Яо искренне его побаивался.

Входная дверь тихо скрипнула и захлопнулась. Перепуганный беглец, судя по всему, совершенно растерялся и на автомате выключил за собой свет в прихожей. На обеденном столе все еще исходили паром их любимые блюда, которые они так и не доели. В тесной квартирке воцарилась тишина. Чжан Хэ остался сидеть в темной гостиной, окутанный аппетитными ароматами домашней еды.

Посидев в темноте еще какое-то время, он тяжело вздохнул, поднялся и принялся убирать посуду.

Тем временем Цзи Яо уныло брел по улице. Ему казалось, что мир рушится. Похоже, на этот раз он окончательно довел друга до белого каления — тут и сотня коробок острых утиных деликатесов Чжоухэйя не поможет вымолить прощение.

Перед самым его уходом Чжан Хэ негромко бросил ему в спину:

— Боюсь, однажды ты горько пожалеешь.

И что он ему тогда ответил? «Да ладно, сам виноват буду»... Сейчас Цзи Яо готов был надавать себе по башке за эти слова. Вот же язык без костей! Ну почему нельзя было просто промолчать и покорно выслушать нотацию?!

«И почему я вечно не могу держать рот на замке»

Впрочем, долго страдать ему не пришлось, поскольку судьба вновь столкнула его с Цзян Цютун. Это была их вторая встреча за день. Надо же, как тесен мир!

Вообще-то после скандала с Вэнь Линем и ссоры с другом Цзи Яо собирался сидеть тише воды ниже травы и искать утешения в объятиях Юй Сыюаня. Но раз уж Цзян Цютун сам шел к нему в руки, грех было упускать такую возможность. Не пофлиртовать с ним сейчас казалось преступлением — он бы потом просто не устоял от досады.

С этими мыслями Цзи Яо вальяжно развалился на диване в квартире Цзян Цютуна.

— Выпьешь? Поможет уснуть, — Цзян Цютун, уже успевший дать вину подышать, подошел к нему с двумя бокалами. Протянув один Цзи Яо, он присел рядом с таким видом, словно готовился провести сеанс психотерапии.

Этот господин Цзян, который с первого взгляда определил, что парня изнасиловали, на поверку оказался не таким уж и натуралом.

Впрочем, Цзи Яо и не подозревал, что проницательность доктора Цзяна была вовсе не его заслугой, а результатом существования на этом свете одного крайне несносного создания под кодовым именем «кузен».

Тем временем где-то за границей Юй Сююань, улетевший в очередную командировку, внезапно громко чихнул.

Они соприкоснулись бокалами. Цзян Цютун сделал небольшой глоток и мягко предложил:

— Поговорим?

Этот мужчина обладал безупречными манерами и интеллигентной внешностью. Однако, в отличие от мягкой и ясной утонченности Вэнь Линя, от Цзян Цютуна веяло холодной, сдержанной отстраненностью человека, сознательно выбравшего аскезу. Его длинные, изящные пальцы бережно держали бокал, и на фоне мягко колыхавшейся темно-красной влаги его строгий, безупречно аккуратный облик внезапно приобрел едва уловимый, дразнящий подтекст. При этом выражение его лица оставалось абсолютно невозмутимым.

Цзи Яо на мгновение залип на эту картину и лишь спустя секунду сообразил, что нужно что-то сказать. Выбирая между тем, чтобы открыть Цзян Цютуну правду или позволить ему заблуждаться и дальше, Яо без колебаний выбрал первый вариант.

Он покрепче сжал бокал и с крайне смущенным, пристыженным видом долго мялся, прежде чем выдавить из себя:

— Ну... Брат Цзян, вы все неправильно поняли. На самом деле... меня никто... не... ну... не насиловал...

Слова-то он произносил правильные, но на его лице при этом отразилась такая гамма чувств, что на лбу крупным шрифтом можно было прочесть: «Мать твою, я натурал, которого только что поимел собственный друг, господи, за что мне это дерьмо». Сыграно было просто гениально. Идеально.

Однако реакция Цзян Цютуна оказалась совершенно не такой, как ожидал Яо. Он не стал

расспрашивать о подробностях и уж тем более утешать. Он просто вальяжно откинулся на спинку дивана, потягивая вино с невозмутимым видом, который буквально кричал: «Давай, продолжай свой спектакль».

«.....»

Цзи Яо осекся. План трещал по швам, и ему стало не по себе.

Цзян Цютун окинул его долгим, пронизательным взглядом. От этого прищур у Цзи Яо волосы на затылке встали дыбом, и внутри шевельнулось отчетливое желание немедленно убираться отсюда подобру-поздорову. И предчувствие его не обмануло: Цзян Цютун неторопливо спросил:

— Цзи Яо, ты ведь гей, верно?

«Твою мать!»

Но не успел Яо судорожно сообразить, что ответить, как Цзян Цютун с абсолютным спокойствием сбросил на него еще одну бомбу:

— И... ты ведь пытаешься меня соблазнить, я прав?

«Пиздец!!!»

<http://bllate.org/book/20554/2131036>